

ГРАММАТИКА ЗАГЛАВИЯ

© О. Е. ФРОЛОВА,
кандидат педагогических наук

Лингвистической интерпретации текста посвящены многочисленные работы, мы же видим свою задачу в том, чтобы проанализировать с позиций синтаксиса и референции его заглавие. Напомним, что под референцией понимают отнесение именных групп в высказывании к объектам действительности [1]. К внеязыковой действительности могут относиться субъект, объект, инструмент, не способен называть реалии предикат, т.к. функция предиката – приписывать признак субъекту. Заглавие привлекало внимание, прежде всего, литературоведов, среди лингвистических работ отметим [2, 3, 4, 5].

При анализе заглавия мы исходим из нескольких позиций: еще до прочтения художественного текста на основании заглавия читатель строит гипотезу о содержании произведения, которая оправдывается или подвергается переосмыслению, когда текст уже прочитан [6]. В этом смысле мы не вполне согласны с В.А. Лукиным, который пишет: “Заголовок может быть расценен как внутренняя интерпретация только после прочтения текста. Тогда заголовок с позиции получателя трансформируется из знака только дейктического в условный и мотивированный всем текстом. Он сообщает в концентрированном виде информацию о тексте, о его художественном коде и о том, какова его возможная интерпретация” [7]. Лукин имеет в виду, что, когда читатель еще не знает содержания текста, назначение заглавия – лишь указывать на произведение. Между тем, даже когда текст не прочитан, заглавие выражено значимыми языковыми единицами, а значит, может быть понято. Встречаясь с заглавием “Степь”, читатель предполагает, что содержание произведения будет касаться того, что произошло в данном месте. Совпадение или несовпадение первоначальной и конечной гипотез о смысле заглавия, на наш взгляд, является важной составной частью интерпретации текста.

В качестве материала мы рассматриваем заголовки художественных прозаических текстов русской классической литературы XIX — начала XX века: произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Выбор именно прозаических произведений обусловлен тем, что мы предполагаем наличие разных закономерностей в присваивании заголовков текстам разных литературных родов. Достаточно обратиться к корпусу пушкинских текстов. Пушкинская проза практически лишена антропонимов: исключения — название цикла “Повести покойного Ивана Петровича Белкина”, “Кирджали” [6]. “Рославлев” не закончен, романам “Арап Петра Великого” и “Дубровский” заглавия даны публикаторами. Данному ряду противостоит большая группа заголовков без имен собственных: “Выстрел”, “Барышня-крестьянка”, “Метель”, “Гробовщик”, “Станционный смотритель”, “Пиковая дама”, “Капитанская дочка”. Обращаясь к стихотворному наследию, мы наблюдаем совершенно иную картину. В драме, поэмах и романе в стихах антропонимы занимают значительно более важное место: “Борис Годунов”, “Моцарт и Сальери”, “Руслан и Людмила”, “Граф Нулин”, “Анджело”, “Евгений Онегин”.

Поиски ответа на вопрос, какие закономерности прослеживаются в заглавиях эпических стихотворных и драматических произведений, не занимают нас в рамках данной статьи. Мы предполагаем сосредоточиться только на анализе художественной прозы.

На каких же основаниях читатель строит гипотезу о смысле заглавия? Прежде всего — на морфологических. Опознавая слово, вынесенное в заглавие с точки зрения его принадлежности определенной части речи (существительное, прилагательное, наречие, глагол), а также его числа и падежа или же лица и числа, можно судить о единичности или множественности объектов. В зависимости от того, нарицательное или собственное имя составляет заглавие, можно говорить об уникальном (“Кирджали”) или типовом объекте, который может быть представлен как класс (“Станционный смотритель”).

Что касается принадлежности слова к определенному лексико-семантическому классу, именно данное обстоятельство направляет первоначальную читательскую гипотезу: личное (“Гробовщик”, “Станционный смотритель”), предметное имя (“Шинель”), имя с пространственной (“Деревня”) или временной семантикой (“Ночь перед Рождеством”), пропозитивное имя, обозначающее свернутую ситуацию с точки зрения состояния (“Дядюшкин сон”), действия (“Выстрел”) или нарратива (“Дневник Печорина”, “Скучная история”). Пропозиция — это некоторое положение дел, отраженное в предложении (*Он ходил из угла в угол*) или изолированном слове (*ходьба*). Имена с пропозициональной семантикой представляют собой отглагольные существительные: отвлеченное название действия или единичное действие (*стрельба/выстрел*).

В том случае, если в заглавие вынесено словосочетание, важно, какое слово является главным, а какое – подчиненным (“Рассказ неизвестного человека”).

Анализ заглавий с грамматической точки зрения свидетельствует о безусловном доминировании именительного падежа, который может употребляться в изолированной позиции, при этом в данной позиции встречаются имена всех лексико-семантических классов: личное имя – “Станционный смотритель”, предмет – “Нос”, имя с семантикой времени – “Вечер накануне Ивана Купала”, пространственное существительное – “Заколдованное место”, имя, называющее явление природы – “Метель” [8].

В названиях русских прозаических текстов XIX века не встречаются свободный родительный, дательный, винительный, творительный падежи без предлога. Свободное употребление данных падежей, которое отмечает Г.А. Золотова, возможно только в газетных заголовках. Чаще в заглавиях – имена существительные в предложном падеже с предлогами *в, на*: “В родном углу”, “В усадьбе”, “На подводе”, а также имена в родительном падеже с предлогом *у* (“У знакомых”) или предлог *о* с предложным падежом (“О любви”).

Наша гипотеза заключается в том, что функция заглавия в художественном тексте состоит в том, что оно не только отражает ситуацию, отображенную в тексте, представляет структуру данной внутрилитературной ситуации, но и фокусирует внимание читателя на одном из ее компонентов, при этом фокус может смещаться по прочтении текста.

В том, как заглавие способно отражать внеязыковую ситуацию, мы усматриваем его аналогию с высказыванием. При этом, на наш взгляд, удобнее всего опираться на структурное представление синтаксиса Л. Теньера [9]. Согласно его концепции, вершиной высказывания является предикат. Участники ситуации, связанные грамматическими связями с предикатом, называются актантами, а обстоятельственные показатели (временные, пространственные, образа действия, условные, причинные) – сирконстантами. В отличие от Теньера мы выделяем среди актантов субъект предложения. Так, в предложении *По вечерам он читает журналы* актантами являются именные группы *он, журналы*, а сирконстантом – *по вечерам*.

Заглавие способно структурировать ситуацию, отраженную в тексте, членить ее и фокусировать внимание на одном или нескольких компонентах. Количество вынесенных в заглавие имен может свидетельствовать о членимости/нечленимости ситуации: “Княжна Мери”, “Пунин и Бабурин”. Нерасчлененно (недискретно) представляет ситуацию заглавие, выраженное пропозитивным именем: “Выстрел”, “Воскресение”.

На наш взгляд, весь корпус заглавий можно разделить на две большие группы на основании одного признака: способности называть объект внеязыковой действительности или приписывать ему какой-либо при-

знак: непредикатные и предикатные. Напомним, что предназначенность предиката состоит в приписывании признака субъекту. В качестве предикатных названий назовем следующие: “Герой нашего времени”, “Фаталист”, “Несчастливая”, “Отчаянная”, “Бирюк”, “Двойник”, “Игрок”, “Идиот”, “Честный вор”, “Вечный муж”, “Маленький герой”, “Кроткая”, “Униженные и оскорбленные”, “Попрыгуны”, “Красавицы”, “Человек в футляре”.

Казалось бы, если последовательно проводить параллели организации заголовка с синтаксисом, можно было бы предположить, что в качестве субъекта к предикатному заглавию способно выступать имя с предметной, пространственной или временной семантикой. Однако, как видно из приведенных примеров, предикатные заглавия антропоцентричны и касаются личных субъектов. Одним из немногих исключений, когда предикатное заглавие не относится к имени, называемому человека, являются рассказы Чехова “Канитель” и “Неприятность”. Словарь русского языка в качестве второго переносного значения существительного *канитель* отмечает следующее: “разг. Длительное, с задержками, помехами, однообразное нудное занятие, дело и т.п.” [10]. В речи слово *канитель* можно употребить только по отношению к имени с пропозитивной семантикой, обозначающей свернутую ситуацию или занятие: *Семейный обед – страшная канитель; Уборка – такая канитель*. Именно в этом смысле использовал данное слово и Чехов. Оба заглавия имеют негативную оценку.

Как разновидность предикатных, характеризующих названий можно выделить так называемые интертекстуальные заголовки, в которых герой русского повествовательного текста сопоставляется с персонажем из западной классики: “Леди Макбет Мценского уезда”, “Степной король Лир”, “Гамлет Шигровского уезда”, “Фауст”.

В качестве теста на предикатность названия может служить возможность/невозможность имени или именной группы занимать позицию субъекта в изолированном предложении: *Герой нашего времени вошел в комнату; Бирюк огляделся, Фаталист получил письмо*. Чтобы подобные предложения были возможны, в качестве контекста они должны предваряться другими высказываниями, где предикатное имя присваивалось бы персонажу.

Близки к предикатным, но не тождественны им заглавия, выраженные именами, функционирование которых ограничено определенными позициями, одна из них – предикат, вторая – обращение. К данной группе мы отнесем “Душечку”.

Близки к предикатным цитатные заглавия, однако они, будучи непредикатными, прежде всего, называют некий объект внеязыковой действительности. В этих случаях в заглавие вынесено имя, воспроизводящее наиболее распространенный способ именования того или иного персонажа. Известно, что именование человека меняется в зависимости от

официальности/неофициальности ситуации. Тексты подтверждают цитатный характер заглавия. К этой группе мы относим следующие: Княжна Мери, Хорь и Калиныч, Неточка Незванова, Ася, Ионыч, Володя большой и Володя маленький.

“Вот княгиня Лиговская, – сказал Грушницкий: – и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер”; “В обществе, где они бывали вместе, Ягича прозвали Володей большим, а его друга – Володей маленьким”.

Предикатным заглавиям противостоят непредикатные. В этой группе можно выделить следующие подгруппы: субъектные (“Максим Максимыч”), предметные (“Коляска”), локативные – пространственные (“Степь”, “Село Степанчиково и его обитатели”, “В усадьбе”), темпоральные – временные (“Белые ночи”).

Заглавия, выраженные личным нарицательным или собственным именем, читатель интерпретирует как актантные, соотнося их с системой персонажей произведения. Однако персонаж (актант) может только называться (“Ариадна”, “Гусев”, “Архиерей”, “Жена”) или получать характеристику (“Барышня-крестьянка”).

Две первые группы, субъектные и предметные, в качестве фокуса выделяют один из компонентов ситуации. К пространственным и временным заглавиям мы обратимся дальше.

Четвертую группу составят заглавия, не сфокусированные на персонаже, пространственным или временным отношениям, так как они показывают ситуацию нерасчлененно: “Выстрел”, “Страшная месть”, “Смерть”, “Свидание”, “Первая любовь”, “Затишье”, “Три встречи”, “Поездка в Полесье”, “Дядюшкин сон”, “Преступление и наказание”, “Детство”, “Отрочество”, “Юность”, “Рубка леса”, “Моя жизнь”, “Дуэль”, “Припадок”, “Убийство”, “Страх”. Все вышеперечисленные заглавия представляют собой действия или состояния. Большинство заглавий – отглагольные имена, предикатное название “Неприятность” – редкий случай отадективного существительного с оценочной семантикой. И лишь в случае заглавия “Дядюшкин сон” читатель может предположить, кто является субъектом этого состояния.

В группе пропозитивных заглавий выделяется повесть Чехова Дуэль, так как в этом случае развертывание ситуации предполагает ритуализованную, строго определенную последовательность действий.

В некоторые заглавия, обозначающие свернутые ситуации, включен фазисный компонент: “Конец Чертопханова”.

Ситуациям, которые представлены с точки зрения их протекания, можно противопоставить вторую подгруппу подобных заглавий, где акцентирована их нарративная природа: “Повести покойного Ивана Петровича Белкина”, “Записки охотника”, “Переписка”, “Дневник лишнего человека”, “Скверный анекдот”, “Записки сумасшедшего”, “Записки мажклера”, “Разговор с прохожим”, “Песни на деревне”, “Из записной книжки старого педагога”, “Рассказ старшего садовника”.

III. Балли писал о двух компонентах высказывания: объективном – диктуме и субъективном – модусе [11]. Субъективность связана с восприятием, оценкой, мнением, эмоциями, желаниями говорящего [12]. На наш взгляд, заглавия с речевым компонентом можно признать субъективными (модусными). Для этой группы характерно включение имени, называющего субъекта речи.

Нарративные заглавия одновременно могут играть роль жанровых “этикеток”, включая слова *повесть, рассказ*: “Рассказ неизвестного человека”, “Рассказ садовника”, “Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. В некоторых случаях автор помещает жанровое слово в подзаголовок.

Концентрированность, способность сфокусироваться либо на отраженной в тексте ситуации, либо на ее компоненте – один из важных признаков заглавия. Поэтому можно говорить о том, что на периферии находятся синтаксически развернутые заголовки, подобные уже упомянутой “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. Причины, побуждающие автора обратиться к таким заглавиям, могут быть как жанрового свойства, так и адресатного. Так, Л. Толстой в качестве названий своих народных рассказов прибегал к пословицам, представляющим собой законченные предложения: “Девчонки умнее стариков”, “Вражье лепко, а Божье крепко”, “Упустишь огонь – не поймаешь”.

Также на периферии, видимо, находятся неименные заглавия: “Стучит!”, “Спать хочется”, представляющие собой либо неполные, либо безличные предложения.

На наш взгляд, для автора выбор заглавия текста связан с его необходимым переосмыслением. Попытаемся проанализировать, каков механизм этого переосмысления. Мы понимаем его как сдвиг или смещение фокуса, т.е. когда не оправдывается первоначальная читательская гипотеза о содержании текста. Как правило, сдвиг происходит при определении субъектного актанта. Читатель строит свою гипотезу, исходя из антропоцентричности художественного текста, т.е. вне зависимости от того, о чем говорится в произведении, адресат в любом случае проецирует происходящее на себя, общество, систему человеческих взаимоотношений и оценок.

Можно говорить о двух механизмах сдвига: предсказуемом и непредсказуемом. Под предсказуемым сдвигом мы понимаем сдвиг по линии одушевленный/неодушевленный (предметный) актант, субъектный/несубъектный актант.

Переосмыслению подлежат “предметные” названия: “Коляска”, “Шинель”, в этом случае сдвиг запрограммирован, поскольку речь пойдет о роли, какую эти вещи сыграли в жизни человека.

Более сложный сдвиг по линии предметности/личности имени – название гоголевской повести “Нос”, в которой предметное существитель-

ное *нос*, называющее неотделяемую часть целого, осуществляет несколько переходов из одного лексико-семантического класса в другой [13]. Подобным образом антропоним *Анна* в названии чеховского рассказа “Анна на шее” сохраняет неоднозначность и по прочтении текста, поэтому трактовка заглавия с точки зрения семантики может смещаться в сторону предметности (название ордена) или принадлежности имени к классу личных имен собственных (имя героини).

В некоторых случаях название не позволяет читателю сделать вывод, будет ли речь в тексте идти о классе или единичном представителе класса. Так, начало повести “Станционный смотритель” дает представление о классе, затем же рассказывается о представителе класса.

Другой вектор сдвига – в вынесении в заглавие имени, которое не называет главного персонажа, например, “Капитанская дочка”. В пушкинской повести субъектом речи, как помним, является Петр Гринев, повествующий от 1 лица ед.ч., в тексте рассказывается о случившемся, прежде всего, именно с ним, тем не менее в название вынесено словосочетание, называющее предмет любви главного героя.

Сдвиг может касаться оценки: как энантиосемичное, неоднозначное в интерпретации воспринимается заглавие романа “Герой нашего времени”. Что касается субъекта оценки, из заглавия читатель не может сразу понять, кто выступает в этой роли. В гоголевской повести “Записки сумасшедшего”, написанной от 1 лица ед.ч., Поприщин не считает себя больным, а значит, в заглавии представлен субъект внешней оценки, соотносимый с автором текста. Что касается омонимичного названия толстовского рассказа, также написанного от лица “я”, персонаж сам признается в своей болезни, следовательно, в этом случае мы имеем случай внутренней оценки.

Возможности сдвига заключены также в предикатной или непредикатной интерпретации заглавия. Таков заголовок “Хозяин и работник”.

В заглавии “Стучит!” неоднозначность его понимания связана с тем, нужно ли его интерпретировать как неполное или безличное предложение.

Заглавия с локативной семантикой, выраженные именами в именительном падеже, также могут быть поняты неоднозначно. С одной стороны: “Невский Проспект”, “Рим”, “Льгов”, “Бежин луг”, “Лебедянь”, “Лес и степь”, “Степь”, с другой – “В Москве”, “В овраге”, “В родном углу”, “В усадьбе”. Группа с именительным падежом может быть интерпретирована как пространственное имя ситуации: скорее, как жизнь и нравы жителей, чем происшествие, которое произошло в этом месте. Заглавия с предложным падежом воспринимаются как показатели места происшествия (сирконстанты – в терминологии Теньера) и не допускают расширительного толкования.

Подобным образом интерпретируются заглавия и с временной семантикой. Названия, выраженные именами, указывающими какой-либо точный промежуток времени или точку на шкале времени относительно другого события (“На святках”, “После бала”), уступают по количеству

заголовкам в именительном падеже (“Египетские ночи”, “Майская ночь или утопленница”, “Ночь перед Рождеством”, “Белые ночи”, “Утро помещика”). Временные заглавия в именительном падеже могут быть интерпретированы как ситуации. Заглавия с точным или относительным указанием времени не допускают расширительного толкования. Специального упоминания заслуживает заглавие “Накануне” с эллипсисом события, относительно которого осуществляется отсчет.

Что касается непредсказуемых сдвигов, на наш взгляд, их природа связана с изменением языковой семантики. Подобным образом неоднозначность названия пушкинской повести “Пиковая дама” не воспринимается читателем, так как в современной карточной терминологии термины *пики* и *дама* являются устоявшимися. В первой четверти XIX века дело обстоит не так: масть, обозначаемая черным копьём, могла называться как *вины*, так и *пики*, а что касается названия карты с изображением женщины, для этого употребляли в речи слово *краса*. Словарь отмечает в качестве второго значения у слова *дама* – игральная карта только в 1834 г., в год выхода пушкинской повести, но и после этого в печатных изданиях встречается термин *краса* [14, 15].

Итак, можно, на наш взгляд, говорить о том, что заглавие представляет ситуацию, отраженную в литературном тексте как структуру, выделяя один из компонентов или называя ситуацию обобщенным именем. Заглавия могут быть непредикатные или предикатные. Предикатные названия не называют объекты внеязыковой действительности, т.е. нереферентны. Также нереферентны заглавия с эллипсисом номинативных единиц (“Накануне”). Непредикатные заглавия называют объекты внеязыковой действительности и делятся на группы актантных (называющих персонажей), сирконстантных (называющих обстоятельства места и времени). Часто автор предполагает сдвиг в семантике заглавия и организует его таким образом, что первоначальная гипотеза читателя о содержании текста не оправдывается или претерпевает изменения. Механизмы сдвига касаются перемещения фокуса с одного персонажа на другого, а также интерпретации заглавия по линии единичность/класс, одушевленность (личность)/неодушевленность (предметность), внешняя/внутренняя оценка.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 411–412.
2. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М., 1931.
3. Джанжакова Е.В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 207–214.

4. *Веселова Н.А.* Заглавие художественного произведения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
5. *Кожина Н.А.* Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX–XX вв.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
6. *Фролова О.Е.* Заглавие – автор – тексты – литературный процесс // Русский язык за рубежом. 2001. № 3. С. 94–98.
7. *Лукин В.А.* Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М., 2004. С. 309.
8. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
9. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1989.
10. Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4 т. М., 1981–1984. Т. II. С. 26.
11. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001. С. 56–59.
12. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
13. *Фролова О.Е.* Предметное имя в повествовательном художественном тексте // Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. Сб. статей. М.: МГУ, 2005. С. 61–67.
14. Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822.
15. Общій церковно-славянскій-россійскій словарь... СПб., 1834.

